

УДК 94(378(4-014)) (091)

О.В. ПЕТРОВСКАЯ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БОЛГАРИИ И ПОЛЬШЕ (1948 – 1989 гг.)

В статье выявляются факторы, оказывающие определяющее влияние на доступ к высшему образованию в Болгарии и Польше. Среди них: социальное происхождение, место постоянного проживания, образовательный, профессиональный и иерархический статус родителей, вид среднего образования и пол абитуриента. Автор, исследуя эволюцию социального неравенства в потреблении услуг высшей школы на протяжении завершённого исторического этапа 1948 – 1989 гг., обращается к политике польского и болгарского руководства по обеспечению права на равный доступ молодежи в высшие учебные заведения. В статье доказывается, что в системе конкурсного отбора абитуриентов основное внимание уделялось их социальному происхождению в соответствии с принятой марксистской схемой стратификации общества и мало учитывались другие причины неравенства шансов на приобретение диплома. В итоге сокращение доступности высшего образования для ряда социальных групп, а также политика дискриминации в отношении работников умственного труда на этапе перехода от среднего образования в высшему обуславливали рост недовольства в социалистическом обществе и, следовательно, формировали предпосылки его краха.

Стратегия образовательного развития стала неотъемлемым компонентом проекта социалистической модернизации, к которой приступили Болгария и Польша в 1948 г. Интенсивное развитие всех ступеней образования на рубеже 1960 – 1970-х гг. проявилось в феномене, который исследователями был обозначен как “революция в образовании” [1, с. 11]. По мере развития систем высшего образования в обеих странах увеличивалась и возможность получения вузовского диплома. Об этом свидетельствует один из основных показателей доступности – доля студентов в общей численности молодежи наиболее оптимального для обучения в вузе возраста. В Польше удельный вес учащейся в вузах молодежи возраста 19–24 лет увеличился с 3,9% в 1960/61 уч. году до 8,1% – в 1987/88 уч. году [2, с. 38-39; 3, с. 16]. В Болгарии коэффициент доступности высшего образования для возрастной группы 19–25 лет в конце 1980-х гг. составлял 10–12% [4, с. 57].

Однако массового характера высшее образование не приобрело, хотя преодоление неграмотности и переход к всеобщему среднему образованию с каждым послевоенным десятилетием увеличивали количество претендентов, имевших формальные основания на поступление в вуз. В отличие от более низких образовательных ступеней законодательство Болгарии и Польши гарантировало не право на высшее образование, а право на равный доступ к нему. В соответствии с эгалитарной концепцией восточноевропейского социализма в политике властных структур Болгарии и Польши равенство понималось как увеличение шансов на доступ к высшему образованию новых привилегированных групп населения – рабочих и крестьян. В результате в системе конкурсного отбора в вузы были обеспечены преимущества рабочим, крестьянам и их детям. А в распределении стипендиальной помощи главным критерием стало материальное положение студента, а не его успеваемость. Вместе с тем основное место в политике формирования студенческого контингента в 1948 – 1989 гг. в обеих

странах сохранял вступительный экзамен, целью которого было определение наиболее способных, амбициозных и подготовленных претендентов. Такой подход в условиях ограниченных материальных ресурсов национализированной высшей школы должен был обеспечить максимальную эффективность обучения и использования специалистов.

Вместе с тем устранить социальное неравенство в потреблении услуг, предоставляемых высшей школой, коммунистическим партиям Болгарии и Польши не удалось. По мере возрастания спроса на высшее образование и абсолютизации его ценности разница в шансах на попадание в когорту студентов для отдельных общественных групп увеличивалась. При этом особенностью социалистического этапа развития Болгарии и Польши стало то, что решающее значение в доступе к высшему образованию приобрели социокультурные факторы. Унификация доходов населения, широкая материальная помощь студенчеству, явившиеся характерными чертами социальной политики как болгарского, так и польского государств, способствовали выравниванию материальных возможностей получения высшего образования в Болгарии и Польше. Следовательно, определяющими в достижении статуса студента оказались культурные и социальные условия жизни ребенка.

По сути, первый отбор в вузы определялся еще при переходе из базовой школы в среднюю. В Польше основную массу студентов давали общеобразовательные средние учебные заведения. Например, удельный вес выпускников этих учебных заведений 1961/62 уч. года в числе первокурсников составил 52%, а выпускников профессиональных учебных заведений – 16% [5, с. 48а]. В 1972/73 уч. году удельный вес студентов с дипломами общеобразовательных лицеев этого же года выпуска составил в университетах 66,3%, а в медицинских академиях – 74,3% [2, с. 180].

Результаты исследований показали, что шансы попасть в вуз у молодежи из профессиональных средних учебных заведений были в три раза меньше, чем у выпускников общеобразовательных лицеев [6, с. 259]. Данный факт можно объяснить тем, что профессиональные лицеи не готовили учащихся к вступительным экзаменам в вузы и не ориентировали их на получение высшего образования. Следовательно, устремления к высшему образованию дифференцировались в зависимости от типа средней школы, которую окончил молодой человек. В конце 1970-х гг. выпускники общеобразовательных лицеев составляли 75–80% абитуриентов. При этом в престижных медицинских институтах на их долю приходилось 93,1%, а в менее престижных сельскохозяйственных вузах – 77% претендентов [7, с. 90; 8, с. 97].

Неодинаковые шансы попасть в вуз имели и выпускники средних учебных заведений Болгарии. Так, правила приема не допускали к вступительным экзаменам лиц, окончивших техникумы и СПТУ, если в документах об их окончании не было оценок по профилирующим предметам, необходимых для конкурса по данной специальности [9, с. 7]. В средние общеобразовательные школы, дающие наиболее приемлемую для вуза подготовку, в конце 1970-х гг. могли попасть не более трети выпускников восьмилетней школы [10, с. 32].

Вместе с тем уже во второй половине 1950-х гг. была отмечена тенденция к дифференциации социального состава учащихся в разных типах средних школ. Так, по данным Министерства просвещения ПНР, в 1953/54 уч. году в средних общеобразовательных школах учились 59675 детей рабочих, 54333 – крестьян, 64259 – интеллигенции. В 1957/58 уч. году численность детей из семей рабочих сократилась до 47631, крестьян – до 42848. А численность детей из семей интеллигенции выросла до 79563 [12, с. 25]. В даль-

нейшем социальное неравенство в системе среднего образования усиливалось. В 1975/76 уч. году среди выпускников средних профессиональных учебных заведений ПНР 80% имели рабочее и 62,4% крестьянское происхождение, а среди выпускников общеобразовательных лицеев дети рабочих и крестьян составляли, соответственно, 35% и 15% [6, s. 259]. В результате отмечалась существенная разница в подготовке абитуриентов в зависимости от социального происхождения. Представители рабочих и крестьян сдавали экзамены хуже [13, s. 318]. Следовательно, шансов стать студентами у них было меньше.

Одной из основных причин уменьшения возможностей привилегированных трудовых слоев попасть в число студентов было низкое стремление к образовательным достижениям, обусловленное семейными ценностями.

Наиболее результативной политика, направленная на изменение социального состава студенчества, оказалась в первое послевоенное десятилетие, когда высшее образование обеспечивало мощный старт для экономической, социальной и профессиональной мобильности. В начале 1950-х гг. представительство рабочих и крестьян в вузах Болгарии и Польши преодолело 50% барьер. Следует учитывать также, что в эти годы вступительный конкурс в высшие учебные заведения не был велик, а репрессии в отношении "старой" интеллигенции достигли апогея.

Однако по мере нарушения композиции статусовых характеристик и ограничения перспектив карьерного роста выпускников вузов традиционные семейные ценности стали оказывать все большую роль в определении профессионально-образовательных установок у молодежи. Ориентация рабочих и крестьянских семей на "конкретные" и "нужные" профессии вела к тому, что их дети стремились получить профессиональное среднее образование, которое оказывалось менее конкурентоспособным в вузовском конкурсе. Введение дополнительных пунктов за социальное происхождение в Польше в 1965 г. и резервирование мест для привилегированных социальных групп в Болгарии позволили затормозить падение удельного веса рабочих в составе студенчества, начавшееся в Польше с конца 1950-х гг., а в Болгарии с середины 1960-х гг. Но уменьшение интереса к высшему образованию детей из семей рабочих носило прогрессирующий характер в обеих странах и было обусловлено снижением роли образования в достижении материальных благ. Так, в Польше конца 1980-х гг. заработная плата молодых специалистов была на 37% ниже зарплаты рабочих [14, s. 175]. Они испытывали трудности с приобретением собственного жилья и вынуждены были занимать должности, не соответствовавшие их подготовке.

Складывалась парадоксальная ситуация. Государство добивалось того, чтобы в вузы поступало как можно больше молодежи рабочего происхождения, но эта молодежь не стремилась к высшему образованию, так как не могла рассчитывать на помощь диплома в приобретении высокого социального положения и заработной платы.

Особый интерес представляет крестьянская культурная модель с образцами раннего трудоустройства и отношением к образованию как инструменту быстрых и эффективных заработков вне сельского хозяйства. Не случайно, даже в сельскохозяйственных вузах Польши представителей сельской местности было мало. Например, в 1976 г. в Сельскохозяйственно-технической академии в Ольштыне среди абитуриентов насчитывалось только 31% сельских жителей и 21,6% крестьян [8, s. 77]. Падение удельного веса крестьян в числе студентов, начавшееся на рубеже 1950 – 1960-х гг. в обеих странах, остановить не удалось. Представительство крестьянской молодежи в числе перво-

курсников вузов в начале 1980-х гг. в Польше было в 3 раза меньше, чем удельный вес этой социальной группы в обществе [15, s. 254]. Еще большие диспропорции прослеживаются в представленности сельской молодежи в вузах Болгарии.

Таким образом, семейные традиции влияли на снижение интереса к высшему образованию у рабочих и крестьян, которые могли удовлетворить потребность в социальном продвижении и без вузовского диплома.

Напротив, представители служащих прилагали все усилия, чтобы обеспечить потомству перспективы интеллектуального труда. По данным польских социологов в 1980-х гг. более 50% детей специалистов (с высшим или неполным высшим образованием) считали очевидным получение высшего образования [16, s. 26]. Поскольку в 1970-е гг. польза от образования в массовом сознании начала перемещаться от профессиональных к общеобразовательным и общекультурным ценностям, высшая школа сохраняла свою привлекательность для интеллигенции, но утрачивала ее для рабочих и крестьян.

Воспроизведение норм и ценностей семьи в моделях образовательного поведения молодежи было отмечено и болгарскими социологами. Согласно исследованиям, проведенным в Болгарии на рубеже 1970 – 1980-х гг., 69% отцов и 75% матерей студентов были работниками умственного труда [10, с. 55].

В семьях интеллигенции дети получали наиболее твердые установки на необходимость приобретения высшего образования для того, чтобы добиться признания семьи, друзей, социального слоя, к которому принадлежали родители. Однако, несмотря на то что традиционные семейные ценности различных социальных групп оказывали существенное влияние на образовательную ориентацию молодежи вплоть до конца 1980-х гг., они постепенно снижали свое значение.

В качестве определяющего фактора образовательных достижений молодежи постепенно утверждался уровень образования родителей. При этом, как показало международное исследование "Социальная стратификация в Восточной Европе", данный фактор в странах Восточной Европы имел гораздо большее значение, чем в западноевропейских странах. Однако следует отметить, что в Болгарии, как и в других странах Восточной Европы, эффект воздействия уровня образования родителей на образовательную карьеру детей до середины 1960-х гг. уменьшался, а затем возрастал. В Польше на протяжении 1940 – 1985 гг. сохранялся на одном уровне [17, s. 354-355].

Прямую зависимость степени образования родителей и их планов в отношении образования детей показали многочисленные исследования польских социологов, которые подтверждают, что чем выше было образование родителей, тем чаще дети планировали приобретение высшего образования. Напротив, низкий уровень образования родителей оказывал воздействие на усиление в мотивации образовательных стратегий молодежи экономических факторов, связанных с заработной платой и, следовательно, снижение интереса к высшему образованию [18, s. 43].

В условиях, когда значение высшего образования как инструмента общественного продвижения уменьшилось, а лимит мест в вузах сократился, семьи с низким уровнем образования оказались наиболее слабым звеном в цепи образовательных устремлений общества [19, s. 10]. Так, среди выпускников средних учебных заведений Варшавы 1982 г. о том, что пойдут учиться в вуз, заявили 84% молодых людей, отцы которых имели высшее образование, и 32% тех, отцы которых имели образование не выше базовой профессиональной школы [20, s. 39]. Таким образом, была заметна семейная репродукция образовательного уровня.

Подтверждают этот вывод и результаты исследований М. Ястржемб-Мрозицкой в крупных польских городах, которые показали, что средняя общеобразовательная школа, являвшаяся главным источником студенчества, наиболее притягательна для молодежи из семей с наивысшим уровнем образования и наименее – для молодежи из семей с самым низким уровнем образования [21, s. 48].

В семьях интеллигенции не только стремились обеспечить своим детям тип среднего учебного заведения, открывающего дорогу в вуз, но и были более склонны к дополнительной подготовке детей. Польское исследование "Студент-77" показало, что в последнем классе средней школы прибегали к репетиторству 9% детей, у которых отцы имели начальное образование, 19% – среднее и 31% – высшее [16, s. 23].

Уровень образования отцов, как свидетельствуют социологи Болгарии и Польши, имел определяющее влияние на успехи детей в достижении высшего образования. В 1982 г. из поступивших вузы выпускников средних учебных заведений Варшавы 2,3% имели отцов с неполным базовым образованием, 4,5% – с базовым, 15,9% – неполным средним, 26,9% – со средним и 57,3% – с высшим [20, s. 40]. В 1987 г. 1/3 отцов и 1/4 матерей польских студентов имели высшее образование [19, s. 10].

Болгарские исследования 1981 г. выявили, что 37% первокурсников имели отцов с высшим образованием, 44% – со средним, 20% – ниже среднего. Таким образом, наличие у родителей высшего образования создавало определенные преимущества для доступа молодежи в высшую школу. При этом среди 5 стран Восточной Европы, участвовавших в социологическом обследовании студенчества на рубеже 1970 – 1980-х гг., в Болгарии выходцы из семей, не имеющих среднего образования, были в наименьшей степени представлены среди первокурсников [10, с. 55, 72].

Эффект воздействия образования родителей на получение детьми высшего образования в большей степени зависел не от формальной степени образования, обозначенной в дипломе, а от уровня общей культуры семьи. В связи с этим особый интерес представляет изучение таких обстоятельств, как частота посещения членами семьи театров и библиотек, музыкальные и литературные склонности родителей и т.д. Результаты опросов показали прямо пропорциональную зависимость успехов образовательного продвижения детей от степени развитости семейной культурной среды [17, s. 348]. В начале 1970-х гг. дети из семей научных работников и врачей Польши имели в 16 раз больше шансов стать студентами, чем дети из семей специалистов, занятых в промышленности и строительстве [22, s. 189]. Потомственные городские семьи значительно отличались от мигрантов по культурным ценностям, передаваемым своим детям. Культурный слой, созданный предыдущими поколениями, оказался решающим фактором формирования студенчества медицинских вузов Болгарии [10, с. 73].

Таким образом, несмотря на усилия режимов, установленных в Болгарии и Польше в 1948 г., им не удалось сократить возможности передачи статуса через образование. При этом именно интеллигенция сумела использовать свои интеллектуальные преимущества в передаче образовательных ценностей по наследству.

Непосредственное влияние на образовательную карьеру детей оказывал и иерархический статус родителей. Данный тезис особенно отчетливо подтверждается болгарскими данными. Сравнительное международное исследование образовательных карьер шести стран Восточной Европы в 1940 – 1985 гг. показало, что наибольшее воздействие на образовательную карьеру детей член-

ство родителей в правящей партии имело в Болгарии, а наименьшее – в Польше [17, s. 348]. Опрос в болгарских вузах на рубеже 1970 – 1980-х гг. свидетельствовал, что у 35% студентов отцы занимали руководящие посты, у 21% – оба родителя были руководителями, у 5% – матери принадлежали к руководящему составу. Только 39% студентов происходили из семей исполнителей [10, s. 52]. О том, что возможность престижной учебы за границей зависела от положения и связей родителей, подтверждает дипломатический доклад, отправленный из Будапешта в Софию 18.06.1956 г., в котором, в частности, говорилось, что многие болгарские студенты не обладают соответствующими качествами, “но по ходатайству влиятельных родителей или родственников смогли поступить в вузы Будапешта и занять места многих хороших юношей и девушек, которые учились бы намного лучше них” [23, с. 147].

Интенсивная социальная мобильность характерная для коммунистических режимов, “революция в образовании” 1960 – 1970-х гг., следствием которой стало массовое повышение образовательного уровня населения, привели к тому, что в 1970-х гг. социальные факторы, определявшие неравенство в доступе к высшему образованию, уступили место территориальным. Становилось заметным, что уровень подготовки выпускников одного типа средних учебных заведений во многом зависел и от места жительства родителей. В частности, как доказали польские социологи, чем больше был город, в котором окончил школу абитуриент, тем больше шансов у него было сдать вступительный экзамен [15, s. 253].

В то же время разницы в образовательной подготовке в семьях крестьян и сельской интеллигенции, как показало исследование абитуриентов и студентов Ягеллонского университета в конце 1960-х гг., не было. Не оказывал значительного влияния на шансы поступления в вуз и характер труда жителей малых городов [24, s. 95]. Следовательно, решающую роль в ограничении доступа к высшему образованию жителей провинции играл затрудненный доступ к институтам культуры и низкий уровень обучения в школах.

Особенно низкий уровень обучения демонстрировали сельские школы. Уже на дошкольном этапе возможности получения высшего образования были дифференцированы. Поскольку в селах отсутствовали центры по подготовке к школе, дети, начинающие школьное образование в сельской местности, на год отставали от своих городских сверстников [6, s. 257]. Реально оценивая свои шансы, выходцы из малых городов и сел не стремились в ряды абитуриентов. В 1972/73 уч. году среди претендентов на получение статуса студента их было в три раза меньше, чем жителей воеводских центров. Еще меньшей была их доля в числе первокурсников. В этом году на первый курс польских вузов было принято 9,1% жителей Варшавы и 4,2% – Кракова, тогда как удельный вес жителей этих городов в численности населения Польши составлял, соответственно, 4,1% и 1,9% [2, s. 179]. В условиях кризиса 1980-х гг. устремление молодежи из малых городов и сел в вузы уменьшилось еще больше.

У жителей больших городов были более широкие возможности углубления знаний за счет репетиторства и других форм внешкольных занятий. В итоге согласно исследованиям второй половины 1970-х гг. на вступительных экзаменах в медицинские вузы Польши абитуриенты из столиц воеводств имели 34% неудовлетворительных оценок, а из местечек и гмин – 43–50% [7, s. 101].

Болгарские исследования также подтверждают, что столичная молодежь имела значительные преимущества при поступлении в вузы. В 1978 г. среди первокурсников оказалось 20,3% жителей столицы, тогда как население Софии в это время составляло около 13% населения страны. И только 1,6% студентов

первого курса в этом году завершили среднее образование в сельской местности, хотя представительство сельской молодежи в вузах было выше 10% [10, с. 62]. Данный факт означал, что основная масса сельской молодежи, поступившей в вузы, получала среднее образование в столице или окружном городе.

Дифференцированными были и шансы жителей одинаковых по величине населенных пунктов, но располагающихся в разных регионах в силу неодинаковой плотности средних школ и интернатов [6, с. 261]. Разница в знаниях, показываемых абитуриентами из разных воеводств Польши, была существенной. Так, например, если среди абитуриентов из Краковскогo, Катовицкогo, Вроцлавскогo и Варшавскогo воеводств удельный вес неудовлетворительных оценок на вступительных экзаменах в медицинские институты составлял 26–38%, то у абитуриентов Зеленогурскогo, Кошалинскогo, Щецинскогo воеводств – 47–56% [7, с. 101].

На доступ к высшему образованию существенное влияние оказывало и место расположения вуза. Тенденция выбирать учебное заведение ближе к месту проживания родителей, обусловленная экономическими барьерами (необходимость платить за жилье и питание вне семьи), в Польше проявлялась достаточно отчетливо. Однако диспропорции в территориальном размещении вузов, сохранявшиеся до 1989 г., создавали предпосылки для социального неравенства. В итоге наиболее доступным высшее образование в начале 1970-х гг. было для жителей Краковскогo, Лодзинскогo, Люблинскогo, Варшавскогo регионов. Наименьшие шансы имели представители Быдгощскогo, Кошалинскогo, Опольскогo, Зеленогурскогo воеводств [11, с. 40].

В Болгарии высшее образование было менее доступным для жителей остальных в экономическом отношении районов со значительной долей турецкого населения: Кырджалийскогo, Разградскогo, Хасковскогo, Ямбольскогo округов.

Таким образом, определяющими факторами доступности высшего образования в социалистический период истории Болгарии и Польши были социальное происхождение абитуриентов, место их постоянного проживания, образовательный, профессиональный и иерархический статус родителей. Немаловажное значение имел и тип среднего учебного заведения, который оканчивал будущий абитуриент. При этом на протяжении исследуемого периода 1948 – 1989 гг. акценты перемещались с одних причин социального неравенства в доступе к высшему образованию на другие. Для того чтобы нейтрализовать давление на систему высшего образования работников умственного труда, жителей больших городов, властные структуры использовали методы индивидуальной дискриминации в процессе конкурсного отбора в высшие учебные заведения. Эффект, который давали льготы, предоставляемые привилегированным группам населения, был значительно меньше ожидаемого. Но ущемление прав отдельных категорий молодежи, показывавших более высокий уровень знаний на вступительных экзаменах, стало одним из источников социального протеста в Болгарии и Польше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баева, И.* Стари и нови митове за "социализма" / И. Баева // История и митове: исторически студии; съст. – М. Радева. – София, 1999. – Т. 3. – С. 145-146.
2. Высшие учебные заведения в Польской Народной Республике: информационно-статистический бюллетень / М-во высшего образования. – Варшава, 1963. – 59 с.
3. *Коровицына, Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века / Н.В. Коровицына. – М.: Логос, 1999. – 187 с.
4. Молодежь и высшее образование в социалистических странах / Академия наук СССР, Институт социологических исследований; отв. ред. Ф.Р. Филиппов, П.Э. Митев. – М.: Наука, 1984. – 142 с.

5. Польская моладзь / Інстытут ісследований проблем моладзежы; науч. ред. Я. Богуш. – Варшава, 1988. – 254 с.
6. Справочник за кандидат-студенти 1980 – 1981; съст. М. Йорданова, Д. Дончев. – София: Наука и изкуство, 1980. – 336 с.
7. **Babiński, G.** Procesy selekcji studentów w Uniwersytecie Jagiellońskim w latach 1968 – 1972 / G. Babiński. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1974. – 123 s.
8. **Ciekotowa, K.** Rekrutacja i kwalifikowanie na studia a efektywność systemu edukacyjnego / K. Ciekotowa, R. Jasiński. – Warszawa–Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 279 s.
9. **Dawydzik, L.** Aktualny system rekrutacyjny w akademiach medycznych / L. Dawydzik // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1976. – № 9. – S. 89-102.
10. **Ganzeboom, H.** Access to education in six Eastern European countries between 1940 and 1985. Results of a cross-national survey / H. Ganzeboom, P. Nieuwebeerta // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1999. – № 4. – Vol. 32. – P. 339-357.
11. **Georgieva, P.** Higher Education in Bulgaria / P. Georgieva, L. Todorova, D. Pilev-Bucharest: UNESCO/CEPES, 2002. – 208 p.
12. Goryński, J. Problemy infrastruktury szkolnictwa wyższego w Polsce / J. Goryński. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. – 94 s.
13. **Jastrząb-Mrozicka, M.** Decyzje i motywy podejmowania studiów / M. Jastrząb-Mrozicka // *Student 1987: komunikat z badań / Instytut Polityki Naukowej i Szkolnictwa Wyższego/* – Warszawa – Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – S. 8-28.
14. **Jastrząb-Mrozicka, M.** Społeczne procesy wyboru studiów wyższych / M. Jastrząb-Mrozicka. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974 – 79 s.
15. **Józefowicz, A.** Demograficzne uwarunkowania dostępności wykształcenia wyższego / A. Józefowicz // *Dydaktyka Szkoły Wyższej*. – 1988. – № 3. – S. 177-192.
16. **Kuziel, F.** Rekrutacja kandydatów na wyższe uczelnie rolnicze / F. Kuziel, T. Pietraszek // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1977. – № 6. – S. 73-81.
17. **Najduchowska, H.** Aspiracje maturzystów do wyższego wykształcenia / H. Najduchowska // *Studenci w Polsce i w Niemieckiej Republice Demokratycznej w świetle badań socjologicznych / pod. red. H. Najduchowskiej*. – Warszawa – Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. – S. 39-43.
18. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1972/73 / Główny Urząd Statystyczny. – Warszawa, 1973. – *Statystyka Polski*. – № 2. – 333 s.
19. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1987/88 / Główny Urząd Statystyczny. – Warszawa, 1988. – *Statystyka Polski*. – № 44. – 260 s.
20. **Sidorczyk, B.** Trudna rzeczywistość – i środki poprawy / B. Sidorczyk, T. Płużański // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1958. – № 10. – S. 23-31.
21. **Warzywoda-Kruszyńska, W.** Młoda generacja w strukturze wielkiego miasta – podsumowanie wyników / W. Warzywoda-Kruszyńska // *Młoda generacja w społeczeństwie polskim w momencie pszelómu formacyjnego: praca zbiorowa / Uniwersytet Łódzki, Instytut Sociologii; pod red. W. Warzywody-Kruszyńskiej*. – Łódź, 1991. – S. 173-179.
22. **Wnuk-Lipińska, E.** Wykształcenie: cel czy środek / E. Wnuk-Lipińska // *Studenci w Polsce i w Niemieckiej Republice Demokratycznej w świetle badań socjologicznych / pod. red. H. Najduchowskiej*. – Warszawa – Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. – S. 22-27.
23. **Wrzesiński, W.** Uniwersytet Wrocławski: 1945 – 1995 / W. Wrzesiński. – Wrocław: Leopoldinum, 1995. – 539 s.
24. **Zalewski, J.** Droga młodzieży do studiów wyższych / J. Zalewski // *Uczelnia na miarę współczesności*. – Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1983. – S. 251-265.
25. **Zalewski, J.** Tendencje doboru kandydatów do studiów wyższych w Polsce Ludowej. Analiza historyczna i próba syntezy / J. Zalewski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980. – 171 s.